

НАБЛЮДЕНИЯ НАД СИНТАКСИСОМ ГОВОРА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИОНАВСКОГО РАЙОНА ЛИТОВСКОЙ ССР

В. НЕМЧЕНКО

До настоящего времени вопросы синтаксиса русских говоров очень мало изучены. Большинство работ по диалектологии русского языка посвящено описанию фонетических и морфологических явлений и реже — описанию словарного состава говоров, изучению же синтаксиса обычно отводится последнее место. Некоторые лингвисты, в том числе и такой крупный лингвист, как В. А. Богородицкий, считали, что для описания говора достаточно дать обзор фонетических и морфологических явлений.

Такое отношение диалектологов к изучению синтаксиса диалектной речи А. Б. Шапиро объясняет тем, что «явления синтаксиса более или менее общи либо у всех, либо у значительных групп говоров. Для установления возможно большего количества типов говоров и их особенностей, конечно, всего показательнее и важнее не синтаксис, а лексика, фонетика и, далее, морфология...»¹ С этим, конечно, нельзя не согласиться. Но, с другой стороны, на наш взгляд, такое положение с изучением синтаксических явлений говоров в некоторой степени может быть объяснено также трудностями, связанными с собиранием и записью фактического материала по синтаксису, так как выделить и записать на слух слово в его звуковом оформлении или морфологическую форму значительно легче, чем, скажем, целое предложение или сложное словосочетание.

Синтаксис говоров русского населения Литовской ССР до настоящего времени совершенно не изучен². В настоящей статье мы не ставим перед собой задачи дать исчерпывающее описание синтаксических явлений исследуемого говора. Целью данной статьи является описать наиболее яркие синтаксические явления говора русского населения одного из центральных районов республики, отличающие его от современного русского литературного языка, а также показать, по возможности, отношение этих явлений к соответствующим явлениям древнерусского языка и материковых говоров современного русского языка.

¹ А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, М., 1953, стр. 10.

² Описание фонетических и морфологических особенностей говора дано в моей статье «Фонетические и морфологические особенности говора русского населения Ионавского района Литовской ССР». Ученые записки ВГУ, XXVI, 1958.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ФУНКЦИИ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Выражение главных членов предложения

В выражении подлежащего в говоре не наблюдается каких-либо существенных отклонений от норм современного русского литературного языка. Заслуживают внимания лишь некоторые особенности выражения сказуемого.

Имя существительное в функции сказуемого при связке, выраженной формами глагола *быть*, в говоре употребляется исключительно в форме именительного падежа, в то время как в современном русском литературном языке оно может выступать как в форме именительного, так и в форме творительного падежа:

Я сам есть хозяин. Ен всегда был молодец. Ейный брат ещё до войны был дох-тырь. Придѣ время, я тоже буду учитель. Итальянцы говорят нам: эзли ету горѹ перейдѣте, будете молодцы.

В литературном русском языке данная форма (второй именительный) в функции сказуемого представляет собой форму более древнюю. В «Очерках по историческому синтаксису русского языка» Т. П. Ломтева по этому поводу говорится, что «в науке существует точно установленный взгляд, согласно которому творительный предикативный развивается на месте второго именительного, т. е. предложения типа *Иван был мастером* являются позднейшими сравнительно с предложениями типа *Иван был мастер*»³. Далее Т. П. Ломтев пишет: «При глаголах *быти* и в древнерусском языке почти безраздельно господствовал второй именительный падеж»⁴. На основании исследования древних памятников Т. П. Ломтев устанавливает, что «коренные изменения в сторону распространения творительного предикативного на месте второго именительного намечаются в памятниках XVII в.»⁵

Форма именительного падежа существительного в функции именной части сказуемого употребляется и в тех случаях, когда связкой являются такие слова, как *звать*, *называться*, при которых в современном русском литературном языке возможна только форма творительного падежа:

Меня звать Пётр (т. е. Петром). Ключ сейчас колодец (т. е. колодцем) называется. Лесопилка в нас называется тартак (т. е. тартаком). А от сундук так скрыня (т. е. скрыней) раньше назывался. Фотокарточки по-старинному назывались потрет (т. е. портретом).

³ Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, М., 1956, стр. 89.

⁴ Там же, стр. 98.

⁵ Там же, стр. 114.

В древнерусском языке при глаголах названия также «господствует второй именительный и только изредка встречается творительный предикативный»⁶.

Второй именительный при указанных глаголах употребляется в роли сказуемого также в некоторых материковых говорах современного русского языка. Данная форма при глаголе *называться* известна, например, в Ярославской области⁷.

Имя прилагательное в роли сказуемого, также как и существительное, употребляется только в именительном падеже⁸. При этом, в отличие от современного русского литературного языка, где местоименная форма имени прилагательного выполняет функцию сказуемого лишь в тех случаях, когда сказуемое выражает признак, характерный для субъекта вообще, а в остальных случаях выступает именная форма прилагательного, в говоре прилагательное в функции сказуемого употребляется, как правило, в местоименной форме, независимо от того, какой признак субъекта оно выражает:

В нашем колхозе земля плохая, ито хорошие урожай бывают. Его жена красивая, али зато вредная. Я тогда был совсём молодой. Ен вчера был больнои. Почему-то ты опять невеселый.

В первых двух примерах сказуемое выражает предикативный признак как свойство, характерное для субъекта вообще, а в остальных трех примерах выражается предикативный признак как состояние субъекта в определенное время при определенных обстоятельствах.

Именная форма прилагательного в функции сказуемого в говоре употребляется крайне редко, выражая при этом те же значения, что и в современном русском литературном языке:

Да, ты у меня хорош! Некогда мне рассуждать, кто прав, кто виноват. Смотри, что будя с твоей жены, как яна будя здорова.

Известно, что в письменных памятниках древнерусского языка в функции сказуемого преобладала именная форма прилагательных. Т. П. Ломтев говорит, что «имена прилагательные употреблялись в древнерусском языке во втором именительном падеже при всех группах глаголов, принимавших участие в образовании двусоставных именных предложений. При этом местоименные формы имен прилагательных отмечаются исключительно редко»⁹. Такой вывод Т. П. Ломтев делает на основе изучения письменных памятников древнерусского языка. Надо полагать, что в разговорном языке древнерусской эпохи местоименная форма имени прилагательного в функции сказуемого была более употребитель-

⁶ Там же, стр. 102—103.

⁷ А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 174.

⁸ Второй именительный в роли сказуемого был господствующей формой в древнерусском языке (Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 89, 98 и др.).

⁹ Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 143.

ной, чем в письменных памятниках того времени. В книге Т. П. Ломтева говорится, что незначительное употребление в древнерусских памятниках местоименных форм имен прилагательных в функции сказуемого и широкое распространение в этой функции именных форм «объясняется действием древней общерусской литературной традиции, а не фактом отсутствия этих форм в живом русском языке того времени»¹⁰.

Распространение местоименных форм имен прилагательных в роли сказуемого за счет именных форм имеет место также в некоторых материковых говорах современного русского языка. Так, например, К. А. Иеропольский в своих наблюдениях над говором населения деревни Савкино Пушкинского района Псковской области указывает, что «прилагательные, входящие в составное сказуемое, употребляются в полной форме»¹¹.

Причастия прошедшего времени страдательного залога в функции сказуемого также могут употребляться и в именной, и в местоименной форме:

Ребёнок один оставлен дома. В коморы вси бутылки побиты. Корова ещё не доена. Картошка уже давно выкопаная. Осторожно иди, пол только что покрашенный. В коморке окно выбитое. Сапоги плохо сшитые.

В тех случаях, когда в функции сказуемого выступает страдательное причастие прошедшего времени в именной форме, нередко отсутствует обязательное для литературного русского языка согласование сказуемого с подлежащим в роде и числе. Так, например, очень часто в функции сказуемого выступает причастие в форме среднего рода единственного числа, независимо от того, в каком роде и числе стоит слово, выполняющее роль подлежащего:

Там город расстроено. Лубин (т. е. люпин) давно уже посеяно. В ей кожа снята, косточки сложено. Дома ещё окна не вымыто. Дочки две отдадено замуж.

Краткое причастие страдательного залога прошедшего времени может выступать в функции сказуемого также в форме мужского рода единственного числа, при подлежащем, выраженном формой именительного падежа любого рода и числа:

Там скамеечка поставлен. Ен (т. е. барашечек) чувствует, что сестра его втоплен на речке. Сено ещё не свезен. Не хвались, пока дело не сделан. Все работы уже сделан, осталось только воды принесть.

Краткие причастия страдательного залога прошедшего времени в форме мужского рода единственного числа могут употребляться в функции сказуемого при подлежащем, выраженном количественно-именным

¹⁰ Там же, стр. 153.

¹¹ К. А. Иеропольский. Говор деревни Савкино Пушкинского района Псковского округа. Известия по русскому языку и словесности (ИОРЯС), т. III, кн. 2, Л., 1930, стр. 592.

сочетанием, а также в безличных предложениях, где в литературном русском языке употребляется форма среднего рода:

Двадцать шуб больших и малых сшит. В его набран керенок было. На моих ягодах (т. е. клубниках) как сукном встелен — бёло, бёло.

Употребление кратких причастий страдательного залога в среднем роде при подлежащем не среднего рода известно и в материковых говорах современного русского языка¹². А. Б. Шапиро утверждает, что выражение сказуемого кратким страдательным причастием в форме среднего рода единственного числа свойственно «почти исключительно северновеликорусским говорам»¹³. К. А. Иеропольский отмечает употребление таких конструкций в говоре деревни Савкино Пушкинского района Псковской области¹⁴.

Сказуемое может быть выражено также деепричастиями прошедшего времени на *-ши, -вши (-чи, -тцы)*, обозначающими действие или состояние в прошлом.

Указанные деепричастия в функции сказуемого в сочетании с формой прошедшего времени от глагола *быть* выражают действие или состояние, относящееся к давнопрошедшему времени:

Там молодёжь была собравши. Яна была выславши посылку. Вчерася сын был приехавши, забегал немножко. Я был кусочек алмаза привёсчи с Парагвая. Вчера Иван был пришотцы.

В сочетании с формой настоящего времени от глагола *быть* эти деепричастия (в функции сказуемого) выражают действие или состояние, которое относится к прошлому, но результат которого ощущается в момент высказывания:

Мы уже привыкши к этой горы. Топерь вси разбежались, старьё только оставши (т. е. оставшись). А ён уже давно помёрши. В других семьях привыкши ругаться, а в нас не ругаются. Топерь я оставши (т. е. оставшись) вдовой, и то живу хорошо, а что ранше, — ничего доброго не видали.

В некоторых случаях деепричастия на *-ши, -вши (-чи, -тцы)* в функции сказуемого соответствуют по значению краткой форме страдательных причастий в литературном русском языке:

В его нога сломавши (т. е. сломана). Платьё совсём порвавши (т. е. порвано). Пуговка от пинджака потерявши (т. е. потеряна).

Употребление деепричастий на *-ши, -вши* в функции сказуемого широко распространено в материковых говорах современного русского языка. К. А. Иеропольский отмечает эту особенность в своих наблюдениях над говором деревни Савкино Пушкинского района Псковской области¹⁵.

¹² Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 208.

¹³ А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 144—145.

¹⁴ ИОРЯС, т. III, кн. 2, стр. 592.

¹⁵ Там же, стр. 593.

С. А. Копорский такое явление отмечает в говоре Осташковского района Калининской области¹⁶. В «Очерках по синтаксису русских народных говоров» А. Б. Шапиро указывается на употребление таких форм в функции сказуемого, кроме Псковской и Калининской областей, также в Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Рязанской областях¹⁷.

Д. Н. Овсяннико-Куликовский рассматривает такое сказуемое как простое сказуемое, образованное на месте старинного составного сказуемого. «Старинные составные сказуемые с причастием предикативно-атрибутивным («был выпивши»), — пишет он в своем «Синтаксисе русского языка», — после вторжения сюда деепричастия, превратились в сказуемые простые, распавшись на глагол — сказуемое («быть» — уже не связка) и обстоятельственное слово с предикативным оттенком, выраженное деепричастием («выпивши»)»¹⁸.

Т. П. Ломтев рассматривает подобные формы на *-ши, -вши* как причастия прошедшего времени, употреблявшиеся в древнерусском языке в роли сказуемого наряду с причастиями настоящего времени на *-уци, -ячи, -а, -я*¹⁹.

Инфинитив глагола *видать* может выступать в функции простого сказуемого при имени существительном в функции подлежащего:

Уже река видать. За рекой костёла (т. е. костёл) видать.

Подобные обороты были известны в древнерусском языке. Конструкции этого типа засвидетельствованы в самых древних русских памятниках; они свойственны также современным северновеликорусским и южновеликорусским говорам²⁰.

Неопределенная форма глаголов *видать* и *слыхать* очень часто выступает в функции сказуемого в безличных предложениях, там, где в литературном русском языке обычно употребляются формы *видно, слышно*:

Ему хорошо видать. С этой горы очень далёко видать. Ен как закричит, во всей деревне слышать.

Наряду с инфинитивом глаголов в таких случаях могут употребляться также слова *видно, слышно*:

Иди ко мне, отсюда лучше видно²¹. Говори громче, ничего не слышно.

¹⁶ Ученые записки Калининского гос. пед. инст. им. М. И. Калинина, т. X, вып. 3, 1945, стр. 45.

¹⁷ А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 168—169.

¹⁸ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Синтаксис русского языка, СПб, стр. 77.

¹⁹ Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 185.

²⁰ Там же, стр. 83—88.

²¹ Слово *видно* в говоре чаще всего употребляется в значении категории состояния *светло*: *Надо открыть океницы* (т. е. ставни), *на улице совсём видно. Зачим лампу жажигать, ещё и так видно.*

Наречия *надо, нужно* в функции сказуемого в говоре часто употребляются при существительном в именительном падеже, выступающем «в неопределенной роли не то подлежащего, не то дополнения»²²:

Нам надо конь хороший. Мне надо новый костюм. Ему жена надо. Им деньги не надо. Где лад, не надо и клад.

Ей новая кофта нужно. Ему пальто совсём не нужно.

П. Я. Черных утверждает, что такие конструкции с давнего времени употребляются во многих северновеликорусских говорах²³. На употребление таких конструкций в северновеликорусских говорах (в Архангельской, Вологодской областях) указывает также А. Б. Шапиро²⁴. Подобные выражения находим и в «Картотеке словаря псковских говоров»²⁵, напр., *цашка* (т. е. чашка) *надо* и др.

В именном составном сказуемом иногда употребляется связка настоящего времени *есть (еся)*²⁶:

Я сам *есть* хозяин. И от ён сказал: пан, гуся головка — ёто вам, как вы *еся* голова семьи. Я как *еся* хороший дохтырь, так слыхал, что ты вочень больной.

Выражение второстепенных членов предложения

Говоря о второстепенных членах предложения, следует отметить некоторые особенности выражения дополнения, определения и обстоятельство времени, цели, образа действия.

В безличных предложениях, при сказуемом, выраженном глаголами *быть, бывать, находиться, встречаться*, в функции дополнения (с субъективным значением) выступает форма родительного падежа (родительный части):

Есть и в нас таких стариков. Есть здоровых людей, зачим стариков трогать. Было в нас в Рымках таких, что подпольно работали. В городе часто бывает пожаров. В нашей жизни всякого бывает. Хитрецов всюду находится. Всяких людей встречается на свете.

При подлежащем, выраженном именем (существительным или местоимением), в функции дополнения может выступать форма дательного падежа, раскрывающая содержание подлежащего:

²² П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка, Учпедгиз, 1952, стр. 266—267.

²³ Там же.

²⁴ А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 141.

²⁵ «Картотека» содержит материалы диалектологических экспедиций коллектива преподавателей кафедры русского языка и студентов Псковского государственного педагогического института им. С. М. Кирова за 1956—1958 гг.; она хранится в кабинете русского языка Псковского пединститута.

²⁶ Форма *еся* в значении «есть» употребляется также в русских говорах псковской группы (Картотека словаря псковских говоров).

Италия нам (т. е. для нас, по отношению к нам, наша) союзница. Ен был руководитель нам (т. е. для нас, по отношению к нам, наш).

Т. П. Ломтев указывает на широкое употребление дательного падежа в данном значении в древнерусском языке²⁷.

Форма дательного падежа очень часто употребляется для обозначения лица, которому принадлежит действие или состояние:

Ему не было время с этим делам возиться. Мне и силы не хватя каждому подчиняться. Мне уже и ноги заболели. Надо смолоть иржи себе и скотины (т. е. скотине). Там и коровам паша (т. е. пастбище) хорошая, и сена много бывало накосим.

Беспредложным конструкциям первых трех предложений в современном русском литературном языке соответствуют конструкции родительного падежа с предлогом *у*, а конструкциям последних двух предложений — конструкции родительного падежа с предлогом *для*.

Дательный беспредложный в функции дополнения со значением принадлежности был также известен в древнерусском языке²⁸.

Дательный падеж в функции дополнения может употребляться при переходных глаголах, выражающих действие, направленное непосредственно на объект (т. е. в таких случаях, когда в литературном русском языке употребляется винительный прямого объекта):

Кучер как оплёл ему (т. е. его) раза три нагайкой.

Дательный падеж в функции дополнения может употребляться также при сказуемом, выраженном глаголом *верить* со значением «*быть уверенным в предсказании чего-либо*»:

Я картам не верю, только сну (т. е. я в карты не верю, верю только в сон).

В древнерусском языке при глаголе *верить* дополнение могло выражаться как формой дательного падежа без предлога, так и формой винительного падежа с предлогом *в*, без дифференциации этих конструкций по значению. В дальнейшем оборот «*в* плюс винительный падеж» получил свои семантические оттенки²⁹. В современном русском литературном языке данные конструкции в функции дополнения при глаголе *верить* употребляются с разными оттенками в значении. В говоре же при употреблении той или иной формы существительного не всегда учитывается выражаемое ими семантическое значение.

При сказуемом, выраженном глаголом с отрицательной частицей *не*, имя существительное в функции дополнения обычно выступает в форме винительного падежа:

Чёрт чёрту глаза не выкопает. Деньги в кассу не складаем, али без денег не живём. Я уже давно сестру не видела.

²⁷ Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 438.

²⁸ Там же, стр. 410.

²⁹ Там же, стр. 430.

При сказуемом, выраженном глаголами *ждать, дожждаться*, в функции дополнения может выступать винительный падеж, обозначающий предмет ожидания или достижения:

Ждёт с моря погоду. Дождались и мы хорошую жизнью.

При глаголах познания, речи (*догадаться, расспросить, рассказать*) в функции дополнения может выступать винительный падеж не только в значении прямого объекта, как это имеет место в современном русском литературном языке, но и в значении не прямого (делиберативного) объекта, который не испытывает на себе действия субъекта, а находится лишь в сфере его интересов:

Ен всё (т. е. обо всём) должен сам догадаться. Кучер пошёл к мужику, всё (т. е. обо всём) расспросил, тот всё (т. е. обо всём) рассказал — как ему цыган ворожил и что ён помирает.

Выражение делиберативного объекта формой винительного падежа без предлога имело место в древнерусском языке³⁰.

При некоторых глаголах чувства, познания винительный падеж в функции дополнения может употребляться там, где в литературном языке употребляется предложный падеж с предлогом *в (во)*:

Это (т. е. в этом) мы уже убедивши на практике. Девчёнка всё (т. е. во всём) должна пособить: и корову подоить, и воды принесть...

При сказуемом, выраженном глаголом *нуждаться*, указывающим психическое переживание субъекта, в функции дополнения может выступать творительный падеж:

А другой етым рублём и не нуждается (т. е. не нуждается в этом рубле).

Подобные конструкции были известны в древнерусском языке, а также встречаются в современном русском литературном языке старшей поры³¹.

При непереходном глаголе *играть* существительное в функции дополнения может выступать в форме творительного падежа с орудийным значением:

Играть шашкам, шахматам (т. е. шашками, шахматами); ср. литер.: играть в шашки, в шахматы.

В данном значении творительный падеж в функции дополнения также употреблялся в древнерусском языке³².

³⁰ Там же, стр. 257—258.

³¹ Там же, стр. 285—288.

³² Там же, стр. 286.

В функции определения в говоре распространены притяжательные прилагательные на *-ов* (*-ова, -ово, -овы*):

Взял солдат и с хрящиком отрезал быков хвост. Там на горы (т. е. на горе) нашли две барсуковых норы. Ен спрятался за липов куст. Ен братов пинджак уже кончает носить. Там в қанавы (т. е. в канаве) лягухов нарост. Невжели я не буду трактористова жена! Где котова черёпочка (т. е. посудина)?

Т. П. Ломтев указывает на широкое распространение притяжательных прилагательных в функции определения в древнерусском языке, а также в произведениях художественной литературы XVIII в.³³

Употребляется в говоре также несогласованное определение, выраженное формой родительного падежа имени существительного. Так же как и согласованное определение, оно чаще всего стоит перед главным (определяемым) словом:

Двоюродной сестры дочка приехала. Ейной дочкi муж трактористом работает. К нам приходила евоной жены сестра рoдная. Мамы племянник в Москвы (т. е. в Москве). Ен таперь горисполкома секлетарь. Я жила в городе, в дядьки Андрея доме. А наши старoverы, ещё моего отца отец, и материн отец, и отцов отец, — из Динабурга, из Святоречья. Было у нас в Каунасе небольшое наводнение, нашего общежития первый этаж был залит (т. е. затоплен) на метра полтора.

Употребление несогласованного определения в препозиции имело место и в древнерусском языке. Л. А. Булаховский, напр., указывает, что «родительный падеж определительный в др.-русском часто выдвигается вперед»³⁴.

Формы родительного падежа личных местоимений *он, она, оно, они* и определительного местоимения *вси* «все» в функции определения очень часто заменяются особыми формами притяжательных местоимений *евоний, -ая, -ое, -ые, ейный, -ая, -ое, -ые, ихний, -ая, -ое, -ые, всихний, -ая, -ое, -ые*:

Я сама коло евоного хозяйства хожу. Видно, команда евоная плохая, что так скоро сдался. Евоный батька лесником был. Ейный Петя тогда ещё в школу ходил. Ейная дочка замуж выходит. Ихная деревня за войну сгорела. Не надо мне ихные деньги. Это поле всихное: кто хочет, тот и пасё.

Местоимения *ейный, евоный, ихный* в функции определения широко известны в говорах псковской группы³⁵.

В функции несогласованного определения, характеризующего предмет по назначению, которое в литературном русском языке выражается отглагольным существительным в форме родительного падежа с предлогом *для*, в говоре выступает инфинитив глагола:

³³ Там же, стр. 458—462.

³⁴ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к литературному русскому языку, Киев, 1950, стр. 356.

³⁵ Картотека словаря псковских говоров.

Колотушка лён молотить. Побойня колы забивать. Телега навоз возить. Кара — это такая телега сено возить.

Обстоятельство цели, выражаемое в литературном русском языке либо инфинитивом глагола, либо формой родительного падежа отглагольного существительного с предлогом *для*, в говоре выражается исключительно инфинитивом глагола:

К телеги два ведра привязали кони поить. Пролупку (прорубь) просекают воды на озере достать.

Примечание. Отглагольные существительные со значением действия в говоре вообще почти не употребляются, за исключением отдельных слов с суффиксом *-ня* (напр.: *беготня, возня*) и некоторых других.

В функции обстоятельства времени в говоре сохранилась древнерусская форма винительного падежа без предлога, обозначающая время, в пределах которого осуществляется действие, выраженное глаголом³⁶:

Запрошлое воскресенье катался на самолёте. Понедельник, среду и пятницу мы занимались практикой, а вторник, четверг и субботу занимались теорией.

В значении времени, в течение которого происходит (или не происходит) действие, может выступать также имя существительное в форме творительного падежа множественного числа (без предлога), где в современном русском литературном языке употребляется форма дательного падежа множественного числа с предлогом *по*:

Утрами стоят приморозки (т. е. заморозки). Вечерам (т. е. вечерами) ходили в город погулять в парк. Выходным дням (т. е. выходными днями) тоже после тяжёлой работы не было охоты гулять.

Данная форма в указанном значении также была известна в древнерусском языке³⁷.

В значении наречия *однажды* в функции обстоятельства времени выступают такие выражения, как *один раз, одного раза, одного разу*:

Один раз и мне повестку прислали, так я говорю: нет, здоровых людей естя. Одного раза меня тоже обманили. Одного разу зарезал пан гуся.

В роли обстоятельства времени употребляется наречие *перво* в значении временного наречия *вначале, сперва*:

Перво надо заработать, а потом требовать. Перво помойся, а потом за стол садись.

³⁶ Об употреблении соответствующих форм в древнерусском языке см. Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 242 и последующие.

³⁷ Там же.

Слово *перво* в данном значении находим также в «Картотеке словаря псковских говоров».

Обстоятельство образа действия, также как и в литературном языке, в говоре выражается определительными наречиями. Заслуживают внимания некоторые формы наречий, не свойственные литературному русскому языку.

Так, в функции обстоятельства образа действия могут употребляться отдельные наречия на *-е (-о)*, не употребляемые в литературном русском языке, напр., *настояще, подходяще*:

Был приехатчи дядька с тёткой, так что загуляли настояще (т. е. по-настоящему, как следует). На новой работы ён настояще (т. е. хорошо, много) зарабатывает. Яны живут подходяще (т. е. неплохо, зажиточно).

В значении наречия *по-всякому* в функции обстоятельства образа действия, наряду с разговорным словом *разно* и просторечным *всяко*, может выступить выражение *всяко-разно*:

Яна разно придумывала, как обманить немцев. Коней всяко от немцев прятали — на могилки (т. е. на кладбище), бывало, ведём, или в лес куда... Огородчик (т. е. цветник) сейчас называют всяко-разно: и палисадник, и цветник... Коней всяко-разно называют: чернюк, сивый, каштаный...

Реже употребляются формы *по-всякому, по-разному*:

По-всякому я его учила. Ткать можно по-разному: в два нита, в четыре нита и в восемь нитов.

ЗНАЧЕНИЯ И ФУНКЦИИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

В данном разделе рассмотрим особенности употребления служебных слов (предлогов, союзов, частиц), которые по своему значению и синтаксической роли отличаются от соответствующих слов современного русского литературного языка, а также значения и функции служебных слов, отсутствующих в современном русском литературном языке.

Значения предлогов

Предлоги с пространственным значением

Для обозначения места осуществления действия или пребывания предмета в говоре, так же как и в литературном русском языке, употребляются предлоги *в* и *на* с предложным падежом. Отличие от литературного языка состоит в том, что в литературном языке данные предлоги закреплены за определенными существительными, в то время как в говоре нет строгой дифференциации в употреблении указанных предлогов.

Здесь в сочетании с предложным падежом одного и того же существительного может употребляться и тот, и другой предлог:

Я тогда на заводе работал грузчиком. В нас там в заводе были свои души. Хозяин в среду целый день на мельнице просидел. Кóмин в мельнице вуёт. Ен чувствует, что сестра его втоплен на речке. А самый малый плавать не вмел и втопился в речке.

В древнерусском языке в данном значении также употреблялись оба предлога (*в* и *на*) с местным падежом, причем «той строгой дифференциации между этими конструкциями, какая существует в настоящее время, в древности еще не было»³⁸.

Для обозначения направления действия или движения откуда-нибудь, изнутри чего-нибудь в говоре широко употребляется предлог *с* в сочетании с формой родительного падежа имени существительного:

Старик вышел с дому. Дети пришли с лесу. Я как вернулся с плену, так ничего дома не было. Двоюродный брат приехал с Москвы. Они тоже с Малоросей пришли. Принеси с колодца два ведра воды. Ему деньги с кармана вытащили.

Данный предлог в указанном значении широко известен в народных говорах русского языка. В частности, такие конструкции встречаются в «Картотеке словаря псковских говоров», например:

Подруга с лавки пришла. Почерпни корцом воды с кадки.

Для обозначения действия или движения, направленного с другой, противоположной стороны или снизу, из-под какого-либо предмета, аналогично употребляются предлоги *с-за*, *с-под* с родительным падежом:

Дедушка так и не вернулся с-за границы. На его с-за угла напали втроёх. Поднял с-под стола кусок хлеба. Мужик не сдолеет с-под крыжа подняться. А девочка глядит с-под кровати и всё видит.

При названии страны, государства, откуда происходит действие или начинается движение, может употребляться предлог *от* с родительным падежом:

Все тут набеглые от Расейской стороны.

В древнерусском языке данная конструкция употреблялась при названиях городов, стран света и т. п., откуда приходит действие или исходит движение³⁹.

Для указания на пространственный предел чего-нибудь, наряду с предлогом *до*, может употребляться также предлог *рównо* в сочетании с винительным падежом:

Воды на улице ровно колена. Ровно Пагелож лес вырублен, — всё торфу копают.

³⁸ Там же, стр. 309.

³⁹ Там же, стр. 325—326.

В значении пребывания одного предмета вблизи другого в говоре сохранился древнерусский предлог *близко* с родительным падежом⁴⁰:

Сады всегда близко дома садили, чтоб яблоки не крали. Ен жил близко реки, так рыбой и питался всё время.

Предлог *близко* в данном значении может употребляться в сочетании с предлогом *от*:

А етот казак попался (в плен) близко от фронта.

В том же значении может выступать также предлог *недалёко* в сочетании с родительным падежом:

Один раз попался в плен недалёко Ильвова.

В указанном значении очень часто выступает предлог *коло* (*кыла*) с родительным падежом, известный в данном значении также в говорах псковской группы⁴¹:

Коло азгороды дед колючий растё. Ен лёг и заснул коло дороги. В их там коло дома яблони насажены.

В некоторых идиоматических выражениях употребляется предлог *скрость* с винительным падежом в значении проникновения субъекта через что-нибудь:

Провались ты скрость донную (т. е. пропади пропадом). Пропал, как скрость землю провалился.

Подобные примеры встречаются в «Картотеке словаря псковских говоров».

Предлоги с временным значением

Для обозначения определенного времени, в течение которого совершается действие, употребляется предлог *через* с винительным падежом имени существительного:

Через отпуск целую неделю был дома. Через ночь мы прошли больше как пятьдесят вёрст. В прошлом году через неделю выкопали всю картошку.

Предлог *через* с винительным падежом в данном значении употреблялся в древнерусском языке, а также в русском языке XVIII века⁴².

⁴⁰ Об употреблении подобных конструкций в древнерусском языке см. Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 296.

⁴¹ См. *коло* в «Картотеке словаря псковских говоров».

⁴² Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 343.

Рассматриваемый оборот в указанном значении встречается, напр., в произведениях Ломоносова, Державина и других русских писателей XVIII в.⁴³

В том же значении может употребляться также предлог *за* с винительным падежом, известный в современном русском литературном языке:

За два дня выкосили всё сено. За этих два месяца ни разу не был в кинe.

Для указания на эпоху, период, время, в течение которого происходит действие, может употребляться также предлог *за* с творительным падежом имени существительного, обозначающего лицо, находящееся у власти:

Мой папашка ещё за царём в солдатах служил. За Сметоной (фамилия президента буржуазной Литвы) дети только по-литовски учились, а таперь и по-русски.

В древнерусском языке конструкция «за плюс творительный падеж» употреблялась «для обозначения положения лица, живущего независимо от других лиц или имеющего при себе зависимых лиц»⁴⁴.

Для обозначения начального момента какого-либо действия или события, наряду с предлогом *с*, может употребляться предлог *от* с родительным падежом:

Мы получили отпуск от пятнадцатого июля (т. е. с пятнадцатого июля).

В древнерусском языке данная конструкция употреблялась для обозначения времени, следующего за другим временем⁴⁵.

Для обозначения времени или момента совершения действия употребляется выражение *на этом разе*, где предлог *на* сочетается с формой предложного падежа:

На этом разе ему пришлось много поработать. На этом разе его тоже оштрафовали.

Предлоги с причинным значением

В причинном значении распространен предлог *для* с родительным падежом, употребляемый для указания лица, которое является виновником чего-нибудь:

Для тебя я и в школу опоздала. Для его я опять целый день никуда не вышла.

⁴³ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к литературному русскому языку, стр. 261.

⁴⁴ Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 27.

⁴⁵ Там же, стр. 355.

Данная конструкция в указанном значении была широко известна в древнерусском языке⁴⁶. В литературном русском языке она сохранилась до XIX в.⁴⁷

Для указания лица или предмета, являющегося виновником, причиной чего-нибудь, может употребляться также предлог *за* с винительным падежом:

За тебя девка целый день не евши была. Ён за ету волоку (мера земли) ни спил, ни съел.

В древнерусском языке в данном значении употреблялась конструкция «за плюс родительный падеж»⁴⁸.

Аналогичные конструкции известны также в современных псковских говорах. Ср.: *За них то и вси меня крёсной зовут* (из «Картотеки словаря псковских говоров»).

В данном значении в говоре чаще всего употребляется предлог *через* с винительным падежом:

Через его я чуть в беду не попала. Я не хочу, чтоб через меня ён мел неприятности.

Конструкция «через плюс винительный падеж» нередко встречается в литературных памятниках XVII, XVIII вв.⁴⁹ В просторечии эта конструкция употребляется и в настоящее время.

Предлоги с объектным значением

Предлог *в* в сочетании с предложным падежом множественного числа имени существительного употребляется при обозначении лица или животного, осуществляющего действие, если сказуемое выражено страдательным причастием прошедшего времени:

Ён весь в клопах покусáный. Вся спíна в блохах поедена. Ему в докторях было запрещёно мясо исть. Вся иринá (т. е. яровые посева) в коровах вытоптана. В свиных ничего не едено. В их бураки (т. е. свёкла) уже посажено.

Если же в указанном значении употребляется существительное в единственном числе, то оно сочетается с предлогом *в* в форме родительного падежа:

В его ещё ничего не делано. В меня давно ягоды посажены. В ей девчѐнка одна оставлен дома.

⁴⁶ Там же, стр. 370.

⁴⁷ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к литературному русскому языку, стр. 258.

⁴⁸ Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 370.

⁴⁹ Там же, стр. 373.

Конструкция «*в* плюс местный падеж множественного числа» при глаголах и причастиях употреблялась в древнерусском языке «для обозначения осуществления действия среди людей и животных»⁵⁰. Что же касается предлога *в* в сочетании с родительным падежом единственного числа, то он представляет собой, по всей вероятности, не что иное, как фонетический вариант предлога *у* (ср. литер.: *У него ещё ничего не делано* и т. п.).

Предлог *в* в сочетании с предложным падежом множественного числа имен существительных, являющихся названиями людей, может употребляться также при обозначении лиц, которым что-либо принадлежит или у которых что-либо спрашивается или приобретается:

В купцах всегда много денег было. В ребятах там всего нашли. В Рымках землю купили три хозяина в помещиках.

Для обозначения лиц, у которых что-либо спрашивается, приобретается, отнимается, похищается и т. п., может употребляться сочетание предлога *от* с родительным падежом как единственного, так и множественного числа:

Купил часы от одного знакомого. Эта тёлка от дядьки куплена. Взял от меня деньги и не отдаёт. Кто ж от тебя сумку отобрал (т. е. отнял)? Вкрали от меня все деньги. Немцы забрали от их последнего коня.

Конструкция «*от* плюс родительный падеж» в этом значении употреблялась также в древнерусском языке⁵¹.

В данном значении может употребляться также предлог *в* (= *у*) с родительным падежом:

Возьми в меня пятнадцать рублей, отдашь, когда будет (т. е. когда будешь иметь). В его осенью всю одёжу вкрали.

В говоре сохранилась древнерусская конструкция «*между* плюс родительный падеж множественного числа», употреблявшаяся для обозначения среды или собирательной совокупности лиц или предметов, среди которых совершается действие⁵²:

И ён вмешался между баб. Между рабочих были и враги. Там между лесов тоже маленькие деревеньки есть.

Для обозначения среды или группы предметов, откуда выделяется часть, может употребляться также предлог *с* в сочетании с родительным падежом множественного числа:

С этих четырёх нашёлся один, как гуся пану разделить. Я выбрала с этих книг самую интересную.

⁵⁰ Там же, стр. 313.

⁵¹ Там же, стр. 424.

⁵² Там же, стр. 300—301.

Предлог *с* в сочетании с родительным падежом употребляется для обозначения материала, из которого что-либо делается:

Мешок с белой дачки. С яичек пекут яшню.

Сочетание предлога *с* с родительным падежом может употребляться при обозначении какой-либо области, сферы деятельности, напр., учебы:

С географии (т. е. по географии) получил тройку. Первого июля у нас будут с практики (т. е. по практике) экзамены.

Данная конструкция может употребляться также при обозначении проявления определенного чувства по отношению к кому-нибудь, выраженного глаголом *смеяться*:

Ен смеётся с тебя (т. е. над тобой). С его (т. е. над ним) вси смеются.

Для указания лица, к которому устанавливается определенное отношение, выраженное глаголом *жениться*, употребляется предлог *с* с творительным падежом:

Ен оженился с Восилишной. Женись со мной, не будешь жалеться.

Для обозначения лица, государства и т. п., властвующего над другими лицами, государствами и т. д., употребляется предлог *под* с творительным падежом:

Ен был самый главный, а под им ещё такие бегали (т. е. подчинялись ему, выполняли его указания). В тую войну Литва была под Германией. Сукини тоже под Рымкам (=Рымками) были, когда церкву ставили (т. е. деревня Сукини относилась к Римскому приходу).

В древнерусском языке оборот «*под* плюс творительный падеж» употреблялся для обозначения лица, властвующего над городом, областью и т. п.⁵³

В значении орудия или средства, при помощи которого производится действие, может употребляться предлог *в* с винительным падежом там, где в литературном русском языке употребляется творительный беспредложный:

Когда мне было десять-двенадцать лет, всё рукам молотили, в жёрны мололи.

Для обозначения состояния субъекта, выраженного глаголом *болеть*, употребляется сочетание предлога *на* с формой винительного падежа:

Ен на чухотку тогда болел. Корова на кровавку заболела.

Для обозначения безразличного отношения лица к чему-либо употребляется предлог *для* с родительным падежом:

Для меня ты хоть целый день сиди не евши. Для его хоть трава не расти.

⁵³ Там же, стр. 409.

Предлог *за* с винительным падежом часто употребляется в сравнительных оборотах:

Ён красивей за тебя. Кварта (мера сыпучих тел) помене за литр. А той (тот) больший за вас.

Примечание. Слово *за* может выступать также в качестве приставки имён прилагательных и наречий в значении *слишком, чересчур*: Новая рубаха мне забольшая. Выпил два келишка (т. е. две рюмки), и замного показалось. Старый председатель заслабо вёл (т. е. руководил), а етот замного тробует.

В говоре отмечены случаи повторения предлогов:

Приезжает на двор на свой, а жена выбежала: где ты, говорит, так долго, отец помирает. Ён на самую на маковку (макушку дерева) залез. В его в самого никогда денег не было. Ён (журавль) травушку зелёную пощипывает, за речушку, за быструю посматривает. Рассказать ли вам подружки про несчастье про своё.

Употребление союзов

Сочинительные союзы

В говоре широко употребляется противительный союз *али*, употребляемый наряду с союзами *а, но*:

Деньги в кассу не складаем, али без денег не живём. Купил ба корову, али с деньгам трудно. И с Вильна был приехатчи кавалер, али я вышла на деревню. Не в том дело, что кобыла бела, али в том, что не везё. А невеста тоже богатая б́ыла, али ей цыганка сворожила, что яна с рук жениха уйдё. Правда, мел ён потом горя, али что поделаешь, женился, так и живи.

Союз *али* в указанном значении широко известен в говорах псковской группы⁵⁴.

В древнерусском языке союз *али* (наряду с *аль*) употреблялся в значении разделительного союза *или*⁵⁵. В данном значении союз *али* и сейчас употребляется в Архангельской, Вологодской, Курской, Рязанской, Тульской и других областях⁵⁶.

Литературному *или* в говоре соответствует разделительный союз *ай* (= *аль*):

Был ён в царя, ай не был, ай ещё к кому ходил, неизвестно, только так ничего и не добился. А тут едит барин, видит, что мужик лежит, живой ай не живой. Ну, скажи, барин, чей его хвост, бычиний ай козиний? Ай ты пойдёшь, ай не пойдёшь, лучше не будя. Двойку получил по читанью, ай по ком.

Союз *ай* в данном значении употребляется также в говорах псковской группы⁵⁷.

⁵⁴ Картотека словаря псковских говоров.

⁵⁵ И. И. Срезневский. Материал для словаря древнерусского языка, т. 1, СПб, 1893.

⁵⁶ А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 228—229.

⁵⁷ Картотека словаря псковских говоров.

В значении разделительного союза *не то..., не то..* употребляется союз *ай..., ай...* (= *аль..., аль...*):

Ай тут волков след, ай собака прошёл. Ай свиньи ели, ай шляхты попасывались.

Подчинительные союзы

В говоре широко употребляется в р е м е н н о й союз *как*, которому в литературном русском языке соответствует *когда*:

Смотри, что будя с твоёй жены, как яна будя здорова. Как задумали ставить моленную в Рымках, стали собирать с хозяинов деньги. Как иринú (т. е. яровые) снимают, остаётся напар (т. е. пары). На елушки две кукушки, на берёзы соловей, как я милого увижу, мне на сердце веселей.

В тех случаях, когда придаточное предложение стоит в начале сложного предложения, а главное следует после него, последнее очень часто начинается словом *так*:

Как оженился сын, так невестка ему косу клепала. Как мы там разом (т. е. вместе) жили, так всё ходили сказки слухать. Как Столыпина етого вбили, так увеличили стражников. Как помру, так пусть закопают, где хочут.

Реже в данном значении употребляется литературный союз *когда*:

Дети стряпают, когда никто не видя. Гунькой коня накрывают, когда спотеет.

Союз *как* в данном значении был известен в древнерусском языке более поздней эпохи; при определенных стилистических условиях временной союз *как* употребляется и в современном русском литературном языке⁵⁸.

Наряду с литературным союзом *пока* и разговорным *покуда*, в говоре часто употребляются в том же значении временные союзы *покуль* и *покамест*:

Надо прибраться, пока на улице светло. Пока ты соберёшься идти, так и разойдутся вси по домам. Покуда суд да справа, так его и не поймашь нигде. Немец винтовку покуда найдёт, и стрелять некого. Иди потуда (т. е. до тех пор), покуда придёшь первый дом с красной крышей. Покуль я в книгу гляжу, так яна читает, а как только отойду, так и яна не глядит в книгу. Покамест он соседов собрал, покамест клеть разломил, ужо нет ни мериканца, ни жонки.

Союз *покамест* в указанном значении употреблялся в древнерусском языке; он сохранился также в некоторых материковых говорах современного русского языка⁵⁹. Союз *покуль* в данном значении известен в современных русских говорах псковской группы⁶⁰.

⁵⁸ Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 508—509.

⁵⁹ Там же, стр. 506—507.

⁶⁰ Картотека словаря псковских говоров.

В значении причинного союза *так как*, *поскольку* употребляется союз *как*:

Сегодня, как первый день праздника, надо было отвести парад. И от ён сказал: пан, гуся головка, ето вам, как вы естя голова семьи. Как ты наш начальник и всё-что, давай нам флаг.

Вместо условного союза *если* очень часто произносится *езли*:

Езли здолеешь, так неси. Езли етот не уйдё с плену, его повесют. Итальянцы говорят нам: езли ету гору перейдёте, будете молодцы.

Иногда в данном значении употребляется древнерусский союз *ежели*, а также разговорное слово *когда*:

Ежели ты ей поверил, так с ей и иди. Зачим ты туда едешь, когда не вмеешь говорить.

Условный союз *если* может заменяться союзом цели *чтоб*, *чтоба* «чтобы»:

Чтоб я работал всё время на етой работы, то я жил ба очень хорошо. Конечно, чтоб я с каждой получки начальника поил ба, то работал ба. Чтоба бабушка здолела б работать, так и любили б бабушку.

Наряду с уступительными союзами *хоть*, *хотя* часто употребляется союз *хош*:

Хош ён и горазд старался работать, али ничего не мел. Хош ты и начальник, али я кланяться перед тобой не буду.

Данный вариант союза *хоть* «хотя» известен в русских говорах псковской группы⁶¹.

Помимо выделительного союза *лишь бы*, широкое распространение имеет союз *абы*:

Абы человек бедный, так и хороший. Ничего, что мужик сухой, абы хозяйка гладкая (т. е. полная).

В древнерусском языке союз *абы* употреблялся для соединения инфинитива цели с глаголом⁶².

Изыяснительный союз *что* может употребляться для присоединения прямой речи к словам автора (к главному предложению):

Ён придё к батюшке и жалится, говорит, что старшая дочь твоя вредная. А вона (Еленушка) отзывается, что Иванушка, мой братушка, тяжёл камень (на шее) надо тянуть.

Подобные конструкции были употребительны в древнерусском языке⁶³.

⁶¹ Там же.

⁶² Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 529.

⁶³ Там же, стр. 546.

Сравнительный союз *как* употребляется в сравнительных оборотах, поясняющих какой-либо член простого предложения, выраженный формой сравнительной степени:

Сегодня холодней, как вчера. Дома светлей, как на улице. Чересня (черешня) светлей, как вишня. Осы (осы) крупнейшие, как пчёлы. Через ночь мы прошли больше, как пятьдесят вёрст.

Реже в таких случаях употребляются союзы *чим*, *чим как*, *нечим*:

Я больший, чим ты. С кровавника делают сок; ён лучше, чим как йода. А мне там мног веселей, нечим дома.

Сравнительные союзы *как*, *нечим* употребляются в подобных оборотах также в говорах псковской группы⁶⁴.

Частицы

В говоре известны следующие частицы, не употребляемые в современном русском литературном языке.

Усилительные частицы — *аж*, *ажно* «даже», *انى* «вовсе, вовсе нет», *чим*, *что* «как можно»:

Четвёртый раз мы попали (в плен) коло Золотой Липы, пригнали нас аж в Ильвов. Мы сели вдвоём; я его повёз аж до самого дому. Аж к самому царю ходили. Ист, аж за ушам пищит. Тут ён как стукнет, ажно окна зазвенели. Мина так лопнула, ажно в нас было слышно. Тут дождь ани прыснет. В меня не осталось ани одного рубля. Ани сколечки я его не боюсь. Я всегда стараюсь делать чим лучше. Приходи домой чим скорей. Желая тебе что наилучших успехов. Набрал целую корзину что красивейших яблоков.

Указательные частицы — *во*, *от* «вот»:

Во где я его нашёл. Во куда ён забрался. Во как надо работать. От пошёл ён в лес и нашёл куст смороды. Ну от сейчас запеваеш жена. От приехал он (в лес), слез на дерево, сидит на суку и етот самый сук пилует.

Вопросительные частицы — *рази* «разве», *никак*, *невож*, *невжели* «неужели»:

Рази я тебе не говорил? Рази ён послушает когда? Никак ты опять в школу опоздала? Никак яна ещё спит? Так невож ты не хочеш быть начальником? Так невож ты опять голодный на работу пойдёшь? Невжели ты хочеш, чтоб к тебе пришли и попростили?

Утвердительная частица — *невож не* «а то как же, конечно, безусловно»:

— И ты сама всё его видела? — Так невож не!

⁶⁴ Картотека словаря псковских говоров.

Отрицательная частица — *не* «нет»:

— Пойдёшь ты со мной в город? — Не, не пойду! Не, я так никогда этого не сделаю.

Количественная частица — *почки* «почти»:

Литр и кварта почки что сходилися (т. е. совпадали). Нас было почки что больше миллиона. Ен почки к самому царю дошёл.

Побудительные частицы — *путь, пуцай* «пусть»:

Путь ён к бухгалтеру зайдё. Путь молится, хоть лоб побьё. Как помру, так путь закопают, где хочут. Пуцай ён тоже раньше встаёт. Пуцай идёт, куда хочет.

Модальные частицы — *нуш, ануш* «авось, а вдруг»:

Купил я етых облигаций (т. е. лотерейных билетов) на сорок рублей, нуш машину выиграю. Пойду на рызыку (на риск), ануш меня не заметют.

Вместо эмоционально-экспрессивной частицы *же* в говоре часто употребляется удвоенная частица *же ж*:

Ен же ж яну обманил на триста рублей. За ким же ж яна вышедцы была? Я же ж тебе не раз об этом говорил!

Частица *же* после некоторых местоимений и наречий в говоре заменяется словом *само, самый* (-ая, -ое, -ые):

В той деревни говорят так само, как и в нас. Дома всё так само, как и было раньше. Ен такой самый, как и вси. Сегодня опять етого самого деда встретил.

Вместо частицы *всё равно* употребляется частица *всё одно*:

Я всё одно его найду. Яна всё одно никуда не денется.

Многие из указанных частиц употребляются в говорах псковской группы. Например, здесь широко известны усилительные частицы *аж, ажно* «даже», указательная частица *во* «вот», количественная частица *почки* «почти», побудительная частица *пуцай* «пусть», отрицательная частица *не* «нет»⁶⁵. В своих наблюдениях над говором деревни Савкино Пушкинского района Псковской области К. А. Иеропольский отмечает употребление вопросительной частицы *никак* «неужели»⁶⁶.

Частицы *во* «вот», *всё одно* «все равно» известны в Рязанской области⁶⁷.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ ИОРЯС, том III, кн. 2, стр. 593.

⁶⁷ А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 254 и 277.

Слово *ажно* употреблялось в древнерусском языке в значении сочинительного союза *и вот, и вдруг*⁶⁸.

* *
*
*
*

Описанные в настоящей статье синтаксические особенности говора русского населения Ионавского района Литовской ССР представляют собой, главным образом, следующие отклонения от норм современного русского литературного языка:

1) имеют место многочисленные отклонения от норм литературного языка в глагольном управлении (как в беспредложных конструкциях, так и в предложных), а также встречаются отдельные случаи отсутствия согласования подлежащего со сказуемым в роде и числе, не свойственные литературному русскому языку;

2) члены предложения могут быть выражены беспредложными конструкциями там, где в современном русском литературном языке они выражаются предложными конструкциями, и наоборот, предложные конструкции в роли членов предложения могут выступать там, где в литературном языке употребляются беспредложные конструкции;

3) значительные отклонения от норм литературного языка наблюдаются в употреблении и в значении служебных слов — предлогов, союзов, частиц.

Большинство отмеченных синтаксических особенностей представляет собой синтаксические явления древнерусского языка, которые в силу особых условий существования говора сохранились до настоящего времени. Некоторые из этих особенностей сохранились также в материковых говорах современного русского языка, главным образом в северновеликорусских говорах и, особенно, в средневеликорусских говорах псковской группы.

Многие из отмеченных синтаксических явлений говора не засвидетельствованы в письменных памятниках древнерусского языка. Вполне возможно, что некоторые из таких явлений имели место в живой речи древнерусской эпохи. Отдельные синтаксические явления, не засвидетельствованные в древних памятниках русской письменности, имеют место в материковых говорах современного русского языка, откуда они могли быть принесены на территорию описываемого говора при переселении русских в Литву. Не исключена возможность, что некоторые синтаксические особенности сложились в самом говоре за время его изолированного существования.

Многие синтаксические конструкции, характерные для описываемого говора, напоминают соответствующие обороты современного литовского языка. Однако, поскольку данные конструкции были известны также в

⁶⁸ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к литературному русскому языку, стр. 308.

древнерусском языке, не приходится говорить о их заимствовании из литовского языка. Наличие в литовском языке соответствующих конструкций могло лишь в некоторой степени содействовать сохранению в говоре отдельных синтаксических явлений древнерусского языка. Однако главной причиной сохранения в говоре элементов древнерусского языка следует считать то обстоятельство, что в говоре, находящемся в изолированном состоянии, очень слабо развиваются новые синтаксические черты.

JONAVOS RAJONO RUSŲ ŠNEKTOS SINTAKSĖS YPATYBĖS

V. NEMCENKA

Re z i u m ė

Straipsnyje aprašomos šnektai būdingos sintaksės formos, nevartojamos dabartinėje literatūrinėje rusų kalboje. Pirmoje dalyje apibūdinamos sintaksės konstrukcijos, vartojamos sakinio dalims (pagrindinėms ir antrininkėms) reikšti, antroje dalyje nurodomos tarnybinių žodžių (prielinksnių, jungtukų ir dalelyčių) vartojimo ypatybės — aiškinama jų reikšmė ir funkcijos. Minėti dalykai aprašomi, lyginant su atitinkamais senosios rusų kalbos ir Rusijos TFSR teritorijoje esančių rusų kalbos tarmių bei šnektų pavyzdžiais.

Didžiulė dauguma straipsnyje aprašytų sintaksės dalykų būdinga senajai rusų kalbai. Tai galima paaiškinti tuo, kad ji ilgą laiką (du tris šimtmečius, o gal ir ilgiau) egzistavo ypatingomis sąlygomis — izoliuota nuo kitų rusų kalbos tarmių bei šnektų. Dalis minėtų formų iki šiol išliko kai kuriose Rusijos tarmėse, daugiausia Rusijos šiaurės tarmėje ir ypač Rusijos vidurio tarmės vakarinėse (Pskovo) šnektose.

Daugelio aprašytųjų formų nėra aptikta literatūriniuose senosios rusų kalbos paminkluose, tačiau jos galėjo susiformuoti vėliau rusų kalbos tarmėse, o iš ten patekti į aprašomąją šnektą.

Kai kurių aprašomai šnektai būdingų sintaksės formų nėra aptikta ne tik senojoje rusų kalboje, bet ir dabartinės rusų kalbos tarmėse. Iš dalies tai galima paaiškinti paskelbtos dialektologinės medžiagos stoka. Tačiau gali būti, kad ta ar kita forma atsirado šioje šnektoje, jai gyvuojant izoliuotai.

Kai kurios tarmei būdingos sintaksės konstrukcijos primena atitinkamas dabartinės lietuvių kalbos konstrukcijas. Tačiau klaidinga būtų manyti, kad jos yra paskolintos iš lietuvių kalbos, kadangi atitinkamos konstrukcijos buvo vartojamos ir senojoje rusų kalboje ir galėjo išlikti aprašomojoje šnektoje dėl ypatingų jos egzistavimo sąlygų.